

~~"Россия и зарубежные страны"~~
1(18), 1998.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА БОРИСА МИХАЛЕВСКОГО

Н.П.Федоренко
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Одним из важных направлений деятельности Центрального экономико-математического института была разработка методологии долгосрочного экономического прогнозирования. В Институте был создан специальный отдел, который занимался не только конструированием аналитических моделей, но и вполне конкретными разработками, в частности, составлением так называемых планов-прогнозов на 10-15 лет. О печальной и весьма символической судьбе одного из таких прогнозов стоит рассказать подробно.

В 1967 г. был составлен прогноз развития народного хозяйства СССР на семидесятые-восьмидесятые годы. Работа велась под руководством и при самом непосредственном участии талантливого молодого ученого Бориса Михалевского, который, к большому несчастью, трагически очень рано ушел из жизни. Его смерть, невосполнимая потеря для отечественной экономической науки.

Михалевский и его товарищи по лаборатории затратили на эту разработку много сил и энергии, и положения, содержащиеся в ней, оказались весьма интересными и неординарными. Впоследствии сама жизнь доказала правильность проведенных расчетов и сделанных на их основе выводов. Они — увы — не стыковались со "светлыми

Федоренко Николай Прокофьевич — академик РАН, был организатором и более четверти века директором Центрального экономико-математического института, академиком-секретарем отделения экономики и членом Президиума АН, автор многих работ по экономике; советник Президиума Российской академии наук.

Отрывок воспоминаний был опубликован в газете "Труд" (19 сентября 1997 г.).

перспективами" нашей экономики, о которых неустанно говорила официальная пропаганда. В разработке обоснованно доказывалась бесперспективность развития некоторых отраслей, предсказывался общий спад промышленного производства, отмечалось падение уровня жизни населения, снижение эффективности и капитальных вложений, нарастание международной изоляции СССР... В общем, рисовалась реальная картина действительности, а не ее апологетический эрзац.

В этой работе впервые применительно к советской экономике был использован термин "инфляция", которая уже тогда существовала у нас в скрытой форме. Авторы раскрыли тайну "фокуса" повышения цен без их видимого изменения: например, за счет снижения веса стандартных банок сгущенки с 310 до 300 граммов, добавления в колбасу воды, крахмала и костей, сокращения циклов созревания сыра, пива и вина, и т.п. На основе такого рода цитошных исследований было определено, что за период 1956-1966 гг. общий индекс цен на товары народного потребления в Советском Союзе повысился на 20%. И это при том, что пропаганда кричала об их неизменности.

Обосновывалось в прогнозе предложение в девятой и десятой пятилетках снизить темпы прироста и одновременно резко увеличить выпуск потребительских товаров. Предлагавшийся маневр помог бы за пять — десять лет совершить перевод промышленности на современные технологии и тем обеспечить ее будущее развитие.

Я знал наперед, что такого рода предложения не могут не вызвать резкой отрицательной реакции со стороны "идеологов", аргументацию которых легко было предсказать: "Разворачивается историческое соревнование социализма с загнивающим капитализмом, как же можно в это время рекомендовать снизить темпы роста промышленного производства? Да вы, наверное, с ума сошли, если предлагаете такое перед лицом мировой буржуазии! Да вы знаете, что с вами надо за это сделать?"

Мы были готовы к этому, но все же надеялись, что реальные цифры и расчеты скажут сами за себя. Однако напечатали прогноз всего в трех экземплярах и поставили гриф "совершенно секретно". Михалевский категорически отказался от предложения заменить "из фактических соображений" некоторые резкие формулировки, смягчить острую критическую тональность изложения. Он был готов обсуждать и спорить, но хотел говорить правду. В конце концов Борис

сумел убедить в своей правоте тех, кто участвовал в обсуждении прогноза. Их, естественно, было немного.

О широкой рассылке речи быть не могло, поэтому я отправил один экземпляр Председателю Госплана СССР Николаю Байбакову. Президента Академии наук Мстислава Келдыша не стал беспокоить, резонно посчитав, что у него просто не будет времени прочесть два толстых тома.

Но прошло две недели, и как-то вечером звонит мне Келдыш и спрашивает, что за материал "через его голову" я послал Байбакову, который просит нас обоих сейчас же, не медля приехать к нему. По дороге в Госплан я в общих чертах рассказал президенту о содержании и выводах прогноза, предвидя неприятный разговор, кое-как пытаясь оправдаться в том, что заранее не поставил его в известность.

У Байбакова мы оказались около десяти часов вечера, беседа затянулась далеко за полночь. Детали разговора приводить не буду, изложу лишь его суть. "Вот два документа, — говорил Байбаков. — Один — третья Программа КПСС, которая принята XXII съездом и которую никто не отменял. Там сказано, что наше народное хозяйство уверенно развивается устойчивыми темпами, что к 1980 г. в стране будет построена материально-техническая база коммунизма, наступит благоденствие, и по основным показателям развития экономики мы обгоним развитые капиталистические страны. И второй — прогноз ЦЭМИ, где говорится о том, что темпы промышленного и в целом экономического роста в СССР падают и что, если не принять серьезных мер, к восьмидесятым годам страна окажется лицом к лицу с угрозой серьезнейшего экономического кризиса. Допустим, мы поверим Федоренко. Но поставленная партией задача — превзойти в производстве продукции на душу населения наиболее развитые капиталистические страны — не снята с повестки дня. Поэтому и выходит, что документик ваш антипартийный и антисоветский!" "Что же делать с этим прогнозом? — продолжал он. — Если вы оставляете его у меня, я должен буду передать его в вышестоящие инстанции, он попадет, скажем, в ЦК, и исход я могу предсказать однозначно: Федоренко попросят с должности, да и из академии!"

Я попытался и дальше отстаивать нашу работу, но Байбаков прервав меня, предложил расписаться в ведомости, что документ получен мной обратно, а Мстиславу Всеволодовичу — по возвращении в академию принять решение "с учетом возможных последствий".

Была глубокая ночь, когда мы с Келдышем вернулись в академию. Мстислав Всеволодович достал из шкафа коньяк, его референтка, терпеливо дожидавшаяся нашего возвращения, сварила нам кофе. И обсуждение продолжилось. В общем, "веселье" закончилось на рассвете в Нескучном саду у костра, который мы развели с моим шофером Хрустальевым. Там и спалили все три экземпляра нашего прогноза: тот, что вернул мне Байбаков, и еще два, которые я достал из своего сейфа.

Что я думаю по этому поводу сейчас? Жалко труда, жалко хорошей работы, но на том "совете в Филях" Байбаков с Келдышем, наверное, были правы. Я сжигал эти книги не под влиянием чувства творческой неудовлетворенности, подобно Николаю Гоголю, уничтожившему рукопись второго тома "Мертвых душ". Скорее, мною руководила идея Михаила Кутузова: "сдать Москву, но сохранить армию". Прояви я упрямство, не только меня ждали бы неприятности, идеологическому погрому подверглись бы и ЦЭМИ, и целое научное направление. Отступив "на калужскую дорогу", мне удалось сохранить боеспособные научные силы, которые впоследствии взяли немало высот, хотя от атак идеологических карателей отбиваться приходилось еще не раз.

Вы спросите меня, а потеряли ли что-нибудь те, кому наша работа была предназначена и кому так и не удалось ее прочитать? Думаю, да, потеряли, и потеряли многое. Наш прогноз был "первым звонком", предупреждавшим о возможном крахе, который произошел на твоих глазах, уважаемый читатель. Обречена ли была прежняя система? Я думаю, что да, поскольку ее идеологи, вынужденные лгать во имя собственного спасения, лгали не только своему народу и всему миру, но и сами себе, не понимая, что вал экономического кризиса прежде всего смочет их самих, что и произошло. Я твердо убежден, что, будь наши руководители конца шестидесятых годов помудрее и подальновиднее, присмотрись они к реалиям того времени, прислушайся к аргументам здравомыслящих ученых, не случилось бы сегодняшнего "обвала", наш "народнохозяйственный маятник" не качнулся бы так далеко, что все экономические измерения попросту зашкалило. По их вине от системы централизованного планирования и управления, как от лепрозория, наша страна не просто ушла, а, сметая с пути правых и виноватых, именно "шарахнулась" к рынку, причем не к самой лучшей из его моделей. На мой взгляд, "экономическая истина" лежит посередине, в точке как говорят

физики, равновесного положения маятника. В сторону этой точки, правда, с обратной стороны, эволюционируют экономические модели развитых западных стран. Взяв самое лучшее "оттуда и отсюда", мы, думаю, смогли бы найти оптимальное решение. Но, видно, не судьба...

А.Н.Никольская О МОЕМ БРАТЕ

¹Борис Натанович Михалевский (1930-1973) — один из крупных и оригинально мыслящих экономистов послесталинского периода. В его судьбе многое необычно: его путь в экономическую науку, работа в ней и, наконец его смерть. Рассказ об этой колоритной фигуре — это и рассказ о духовном климате, в котором работали советские гуманитарии, и о влиянии этого климата на работы и характер самих ученых.

Б.Михалевский проработал в экономической науке около 20 лет. Он опубликовал две монографии, десятка три статей, заведывал лабораторией народнохозяйственных моделей в Центральном Экономико-математическом институте АН СССР. Его работы издавались в Польше и Югославии, Франции и США. Франция купила его модель для применения в своем планировании. Он был одним из руководителей журнала "Экономика и математические методы", первого печатного органа советской экономико-математической школы, завоевавшего международный авторитет.

В середине 50-х гг., когда Б.Михалевский пришел в советскую экономическую науку, она только начинала оживать от паралича сталинских лет. К этому времени в стране уже двадцать пять лет не было народнохозяйственной статистики, преследования заставили замолчать или уничтожили выдающихся экономистов

Никольская Адель Натановна — кандидат экономических наук (живет в США)

В очерке А.Н.Никольской использованы некоторые материалы, подготовленные доктором экономических наук Е.З.Майминым; появлению данного очерка способствовала также Е.Г.Благовилова.

предреволюционной школы и двадцатых годов (например, был полностью уничтожен первый состав Госплана СССР). Бесконечные споры комментаторов Маркса заменили творческие дискуссии, а “великий зодчий”, “кормчий” и языковед Сталин был объявлен уже заодно и великим экономистом после выхода в свет брошюры “Проблемы социализма в СССР”. Кое-какая жизнь теплилась в занятиях зарубежной экономикой и экономической историей, где хотя бы имелся материал.

В 20-е гг. русская экономико-математическая школа была на мировом уровне, а во многих случаях и в авангарде, поскольку экономисты этой школы были первыми, перед кем встали невиданные ранее задачи планирования в масштабах страны. Однако, в сталинские годы научная традиция была прервана; для оживления экономической науки требовалось восстановить ее связь с мировой экономической мыслью, а потому с середины 50-х гг. началась широкая публикация работ западных ученых. Это, в основном, были работы прикладного характера, поскольку область экономической теории еще долго была задавлена страхом открытой ереси против марксизма.

Переводные работы позволили советским экономистам использовать новые методы в изучении советской экономики, не вдаваясь в обсуждение теорий, на которых эти методы основаны. При Хрущеве и позже работы экономико-математического направления получили щедрую поддержку со стороны государства. Власти наивно полагали, что математические формулы, описывающие хозяйственные процессы, и есть то “петушиное слово”, которое волшебным образом поднимет хозяйство страны без всяких реформ.

Основным препятствием на пути развития исследований в СССР являлся катастрофический недостаток информации. Даже численность и структура населения страны не были известны до 1960 г. — переписи не было с 1939 г. до 1959 г. С 60-х гг. официальные публикации статистических данных стали расширяться, но сбор информации для экономического анализа по-прежнему занимал месяцы и даже годы. Начались и дискуссии о возможных экономических реформах.

Войдя в экономическую науку в эти благоприятные годы, Б. Михалевский смог сделать заметный вклад в эмпирические, экономико-математические и теоретические исследования. Его успехам способствовала не только обстановка, но и то, что он пришел

в эту вновь открывшуюся область уже сформировавшимся ученым с необычным для экономиста образованием и опытом.

Б. Михалевский родился в 1930 г. в Москве, в еврейской интеллигентной семье. Его отец был инженером-архитектором, мать — адвокатом. Отец умер рано (вернувшись с фронта с подорванным здоровьем и заболев сыпным тифом во время первой же служебной командировки в Сибирь), но успел привить сыну интерес к математике. Решающее влияние на Б. М. оказали оба деда — крупные ученые, оставившие след в своих областях науки — химии и экономике. От них обоих Б. Михалевский воспринял отношение к занятиям наукой как к религиозному служению ей. Дед-экономист, Фаддей Ильич Михалевский, (умер в 1952 г.) говорил, что среди его многочисленных студентов и аспирантов не было такого талантливого и работающего студента, как его внук.

Поступление на истфак МГУ было для Б. Михалевского естественным результатом его многолетнего увлечения историей. В 1947 г. попасть на истфак МГУ еврею и вдобавок некомсомольцу было очень нелегко, но он сумел взять этот барьер.

В эти первые послевоенные годы интерес к истории, философии и другим гуманитарным наукам, помогающим осмыслить действительность, был очень велик, и среди сокурсников Б. Михалевского было немало людей блестящих способностей и широких интересов. В этом интеллектуальном климате его развитие пошло очень интенсивно.

В университетские годы Б. Михалевский освоил латынь, английский, немецкий и французский языки, самоучкой овладевал высшей математикой. Его специальностью стала история Германии, и, занимаясь ею, он все больше увлекался экономической стороной проблем. Его диплом, посвященный развитию капитализма в сельском хозяйстве Германии, был уже полностью экономической работой, которую рецензент, специалист в области статистики, академик Ястремский рекомендовал признать кандидатской диссертацией — на истфаке дело невозможное.

Сокурсники заключали пари, что Б. Михалевского в аспирантуру не возьмут — шел 52-й год. Вместо аспирантуры его послали преподавать историю в сельской школе Рязанской области. В тот же учебный год он написал диссертацию о формировании аграрного капитала в Германии и сдал все кандидатские экзамены — к 23 годам. Не только интерес к занятиям, но и отчаяние подгоняли его: еще год в глухой деревне, и он начнет пить, как все кругом.

Разрешения уехать из деревни Б. Михалевскому получить не удалось, и он попросту удрал, обманом завладев своей трудовой книжкой. Закончилось все это пребыванием в неврологической клинике с острым истощением нервной системы — он даже читать не мог. Однако, только клиника спасла его от сурового наказания за нарушение трудового законодательства. Между тем, в Институте экономики АН СССР два года никто не хотел прочесть работу “ничьего” аспиранта.

Все же к 1956 г. она была защищена, и Б. Михалевский начал работать как специалист по экономике Германии в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Жизнь постепенно менялась к лучшему — и для него, и во всей стране.

К сожалению, этой хорошей жизни быстро пришел конец. В 1957 г. грянул первый удар — арестовали группу молодых историков (группа Льва Краснопецела). Некоторые цифры в листовках группы, касающиеся зарплаты и уровня жизни в СССР, стали известны от Б. М. Это означало, что Б. М. грозил тюремный срок за разглашение государственной тайны. (он в эти годы работал в журнале “Социалистический труд” и имел доступ к некоторой секретной статистике). Б. М., кстати, о существовании группы и листовок не знал, а просто делился со своими приятелями соображениями об экономической ситуации в СССР. В течение нескольких лет Б. М. вызывали на допросы в КГБ. Только феноменальная профессиональная память и квалификация спасли его от тюрьмы: на каждую цифру он дал сноску на опубликованные источники или показал способ ее расчета из опубликованных данных.

На работе его объявили ревизионистом, его плановая статья появилась под чужим именем (против воли самого носителя этого имени). Немного погодя академик А. Арзумян, директор ИМЭМО, сам подвергавшийся травле в сталинские годы, нашел мудрый выход из положения: перевести Б. М. к академику Немчинову, организовавшему в это время первую советскую экономико-математическую группу (ЛЭММ). Вот так Б. М. и стал членом этой уникальной лаборатории, из которой выросло новое экономико-математическое направление в отечественной науке. Это позволило Б. М. использовать свои незаурядные математические способности при исследовании проблем развития экономического состояния и перспектив развития страны. Б. Михалевский вступил в математическую экономику как уже сложившийся ученый.

Необычное для экономиста широкое гуманитарное образование, несомненно, помогало ему оценивать экономику в широкой исторической перспективе, придавало масштабность его общетеоретическим идеям. Пригодились и его многолетние занятия Германией.

В 1955-56 гг. он проводил вечера в архиве, изучая обширные материалы Министерства хозяйства фашистской Германии, захваченные советскими войсками. Никто из экономистов не интересовался этими материалами. Там Б. Михалевский собрал большой материал о работе военной экономики в тоталитарной стране. Верный своим глобальным вкусам, он исследовал всю оккупированную Европу как единую экономическую систему, с потоками финансов, рабочей силы и материалов между странами гитлеровского рейха и Германией.

В 1957 г. стало ясно, что "оттепель" не ирревертируется в весну либерализма, а значит и книгу об экономике фашизма опубликовать не удастся — картина милитаризованного хозяйства с широким использованием рабского труда заключенных, рационированием потребления, выкачиванием ресурсов покоренных стран слишком близко напоминала советскую экономику.

Впоследствии эти архивы вернули в Западную Германию, и на их основе было опубликовано несколько экономических монографий. В конечном счете наука, возможно, ничего не потеряла, но Б. Михалевский однажды с горечью заметил, что мог бы написать это на десять лет раньше.

Все же нельзя сказать, что эти его труды совсем пошли прахом. Знание экономики фашизма помогло ему быстрее и легче ориентироваться во многих неизученных тогда проблемах советского хозяйства.

История с КГБ наложила печать на всю последующую жизнь и творчество Б. Михалевского, далеко выйдя за пределы эпизода времени молодости. Переход на экономико-математические методы дал ему доступ к другому языку науки — математическому, статистическому, кибернетическому. Навсегда оставшийся страх не отбил у него охоты к занятиям опасными темами, но заставил его, как барьером, загородиться своим трудным стилем, загроможденным профессиональными терминами.

Ситуация ухудшалась тем, что в те годы профессиональная среда в этой области только начинала складываться, и Б. Михалевский

работал в окружении зеленой молодежи, выпускников даже и не университета, а экономических и инженерных вузов. В силу этого он потерял чувство необходимости считаться со своей профессиональной средой и ориентироваться на ее суждения. В результате он так основательно спрятался за терминами и формулами, что не только его следователь майор Сыщиков ничего бы не понял, но и собственные коллеги затруднились читать. Допросы оставили и физический след — пожизненный тик лица и плеча, усиливавшийся в моменты волнения.

Мудреный стиль, характерный для работ Михалевского и помогавший ему, стал притчей во языцех, и вызывал у некоторых коллег почтительное изумление, а иногда и насмешку.

Нельзя сказать, что став экономистом, Б.Михалевский никогда не пытался писать просто и доступно. Именно об одном таком случае и о том, чем он кончился, и рассказывается ниже.

Наученный горьким опытом, Б.Михалевский обычно не старался популяризировать свои идеи, и никогда не стремился доводить свои рекомендации до сведения властей. Когда во времена Хрущева один из идеологических руководителей, по слухам, обратился к экономистам с призывом писать записки в правительство о том, как сласти сельское хозяйство, Б.Михалевский только посмеивался: "Ну кто же им писать будет? Было время, писали по приказу Сталина закрытые записки. А где теперь их авторы? Сгинули в лагерях. Так что дураков нынче нет".

В 1965 г., как обычно, была создана комиссия по анализу прошедшей пятилетки, и Б.Михалевский, наряду с руководителями нескольких других экономических групп, получил задание написать свой вариант доклада. Поверив, что настало время, когда нужна объективная информация о состоянии и перспективах советской экономики, он на какой-то момент отбросил свой страх перед КГБ и заставил замолчать своего "внутреннего редактора". Результатом явилась смелая научная работа, в которой автор мог выглядеть лицом политически опасным.

Анализируя прошедшую семилетку, Б.Михалевский характеризует советскую экономику как "военно-тоталитарную систему хозяйства", сосредоточившую свои ресурсы в стратегически важных отраслях. В качестве одного из результатов милитаризации советского хозяйства он анализирует особого рода инфляцию, возникающую при дефиците потребительских товаров и

официальных постоянных ценах на них. В докладе прослеживаются конкретные пути удорожания продукта для потребителя при постоянной цене: уменьшение веса в стандартных расфасовках — бутылках, консервных банках и т.п.; замена дорогих ингредиентов продуктов (созревания вин, сыров и т.д.), что снижает их качество, но не цену; пересортица — это только то, что я помню после одного чтения много лет назад. Б. Михалевский далее дал свою количественную оценку реального удорожания широкого набора потребительских товаров, начиная с 1956 г. по 1965 г. Общее их удорожание за эти годы он оценивает в 20%.

Эта работа вернула понятие инфляции в советскую экономическую науку и дала ее эмпирическую оценку. Широко известно об ухудшении качества продукции в последующие годы, но тогда этот процесс не достиг еще таких гротескных масштабов как во времена “застоя”, и сам термин звучал криминально.

Написанию этого доклада предшествовала многолетняя работа по сбору данных о ценах и качестве потребительских товаров. Эти сведения, как известно, никогда не публиковались в те годы и были одним из многочисленных государственных секретов. Действуя в одиночку, Б. Михалевский много лет раз в году обходил магазины, записывая текущие цены на широкий ряд товаров, их вес в стандартных расфасовках, изменения в сортах. Он усиленно искал знакомства с работниками легкой и пищевой промышленности, собирая сведения о составе используемого на их предприятиях сырья, об изменениях технологии производства, удешевляющих продукт за счет ухудшения его качества.

Реакция была сравнительно “мягкой”. Автора “всего лишь” понизили в должности и не пустили во Францию, которая закупила его модель для своего планирования; а через много лет, когда началась эмиграция, Б. Михалевскому дали ясно понять, что его не выпустят, поскольку он знает слишком много и не захотел это скрывать. Заплатив такой ценой за открытое выражение своих мыслей, он спрятался снова в свои формулы и уже навсегда.

Каким-то выходом из этого положения могло бы стать писание “в стол”, но открытым текстом. Казалось бы, Б.М. как историк, должен был особенно остро чувствовать неведомые возможности завтрашнего дня. Думаю, у него просто не было сил в одиночестве затеять двойную жизнь.

Нужно отметить, что Б. Михалевский был нонконформистом не только в науке. В частности, в своей лаборатории он вел собственную "кадровую политику": ввел четырехчасовой рабочий день для низкооплачиваемых сотрудников без ученых степеней, понимая что на 100 руб. в месяц нельзя прожить без приработков; взял на работу несколько бывших зеков с большими сроками, которых никто не решался принять. Почти никакой работы он с них не спрашивал, считая их небольшие зарплаты пенсией. Кого-то он этим спас, а кого-то разложил. После его гибели не было у его семьи более верных, внимательных и сердечных помощников, чем сотрудники его лаборатории.

В своем научном творчестве Б. Михалевский сосредоточился на задачах чисто познавательного характера. Зная русскую историю, он считал советское общество органическим ее продолжением, считал экономические реформы делом политически невозможным и в обсуждении их не участвовал. Как это характерно для советского гуманитария, он нигде прямо не формулирует свой крамольный взгляд, а в одной из сносок своей первой книги приводит цитату из знаменитого французского историка М. Гизо: "Когда за плечами народов долгая и славная жизнь, они не в силах порвать со своим прошлым, что бы они ни предпринимали для этого. Они подвержены его воздействию даже в тот момент, когда трудятся над его разрушением. В ходе своих наиболее блистательных преобразований они остаются в основе своего характера такими же, какими их когда-то сформировала история".

Такой взгляд отнюдь не означает отказа участвовать в общественной жизни. Б. Михалевский содействовал развитию своей науки не только своим творчеством. Он был одним из руководителей журнала "Экономика и математические методы", ставшего органом экономико-математической школы, и бессменным руководителем повседневной его работы. Он активно участвовал в издании переводов зарубежных работ этого направления, переводя сам и редактируя переводы коллег.

* * *

Прежде чем говорить о сути научных работ Б. Михалевского, надо сделать отступление, чтобы объяснить некоторые основные понятия и принципы современной экономической науки.

Основная часть работ Б. Михалевского относится к области макроэкономики, которая изучает хозяйство страны в целом. Современная экономическая теория описывает народнохозяйственные процессы с помощью математических моделей. Они описывают зависимость валового национального продукта страны от создающих его первичных экономических ресурсов. Зависимости, описывающие хозяйственные процессы на разных уровнях приближения к практике, слагаются в систему народнохозяйственных моделей.

За всем этим полная загадка, увлекательная, но и изматывающая своей необозримостью многолетняя работа. Не говоря уж об описанных выше опасных политических аспектах этих исследований, и о том, что весь этот нелегкий многолетний труд не достигал своей основной цели — не приносил пользы советской экономике, которая, что бы ни писали экономисты, целиком определялась политическими нуждами партбюрократии и инерцией собственного развития.

Для успешной работы экономист должен был быть и дипломатом, чтобы выпрашивать цифры в других учреждениях, и торгашом, чтобы их выменивать у коллег, расплачиваясь нужной им информацией, и Шерлоком Холмсом, чтобы путем сопоставлений, дедукции и неясно чего еще определять, какова должна быть отсутствующая цифра, и препарировать эти данные, освобождая их от искажений. Так, для построения народнохозяйственных моделей нужны данные за возможно большее число лет по всем основным отраслям хозяйства. Здесь что ни вопрос, то ловушка. Где взять данные по авиации, судостроению, радиоэлектронике и другим отраслям военной промышленности, где работают миллионы людей и куда идут многомиллионные капиталовложения? Они, разумеется, “сидят” в итогах по машиностроению, строительству, химической промышленности и где-то еще, но где и сколько на нее приходится? Как различаются семьи по своим доходам? Сколько их в каждой доходной группе? Что они покупают? Что происходит с реальными ценами? Даже первая форма секретности не позволяла найти ответ на многие из этих вопросов.

Последние 10-12 лет своей жизни Б. Михалевский посвятил созданию системы моделей, состоящей из пяти уровней. Он дал ее теоретические основы, описал математическим языком и, “начинив” статистикой, просчитал три верхних уровня модели. Была проделана

колоссальная эмпирическая работа в сочетании с работой в области экономической теории.

Наиболее сильной стороной творчества Б. Михалевского считают его работы над трехресурсной (труд, капитал, природные богатства) моделью самого верхнего народнохозяйственного уровня.

Одним из достижений Б. Михалевского в работе над этими моделями является то, что он смог измерить различия в качестве ресурсов СССР (рабочая сила различается квалификацией, оборудование и сооружения — производительностью, сельскохозяйственная земля — урожайностью, месторождения полезных ископаемых — своим богатством и степенью доступности). Этим проблемам он посвятил несколько статей.

Работа над системой моделей породила также теоретические работы более широкого плана. Они объединены в теоретических главах книги "Система моделей народнохозяйственного планирования" (Москва, "Наука", 1972 г.). Отправным пунктом его теоретических разработок служит фундаментальный критический обзор моделей механико-органического типа, в которых он видит "естественный результат развития классической физики, биологии, позитивистской философии, психологии и политической экономии XIX в.". Модели эти основаны на принципах, из которых уже не может исходить ученый второй половины XX в. Модели механико-органического типа предполагают плавное, непрерывное развитие.

Б. Михалевский сформулировал свои критические взгляды на модели механико-органического типа в конце 60-х гг., одновременно и независимо от венгерского экономиста Яноша Корнаи, самого крупного в то время экономиста по ту сторону "железного занавеса". По-видимому, именно опыт жизни и научных исследований в другой экономической системе особенно резко столкнул их с нереалистическими условностями этих моделей.

Что же предлагает Б. Михалевский взамен этих моделей? Здесь он с пригодного для прежних моделей языка математики переходит на язык системного анализа и кибернетики, для того чтобы описать экономику как часть (подсистему) социальной системы, где экономика взаимодействует с политической, социальной, демографической и природной средой. При таком подходе принципы и механизм работы народного хозяйства зависят и от других частей системы и будут выглядеть иначе, чем в моделях механико-органического типа.

В этом новом системном подходе к экономике Б. Михалевскому удалось сделать несколько первых шагов. Во-первых, он дал подробное описание экономики как развивающейся системы, а затем использовал этот новый подход для решения некоторых классических экономических задач.

Одной из таких задач является выбор цели (критерия) перспективного плана. В моделях механико-органического типа предполагается, что целью общественного развития является удовлетворение желаний (предпочтений) отдельных членов общества или увеличение общественного благосостояния. Эти критерии предполагают существование известной "суммум бонум" — неизбежной системы ценностей, лежащей в основе развития общества.

Б. Михалевский, напротив, видит экономическое развитие как конфликтный процесс, открытый влияниям многих неэкономических факторов. Используя системный подход, он видит цели плана как нечто меняющееся в зависимости от историко-социальных условий, существовавших на различных этапах развития СССР, и реальных факторов, определяющих приоритет тех или иных целей или отраслей.

Так, еще в книге "Перспективные расчеты на основе простых динамических моделей" (Москва, "Наука", 1964 г.) Б. Михалевский выдвигает как основную черту современного советского хозяйства "большую фиксированную внешнюю нагрузку" (понимай — огромные военные расходы, затраты на поддержание стран-сателлитов и другие политические цели), не диктуемую экономическими нуждами страны.

Б. Михалевский показывает, что нужды "нагрузки" противоречат поддержанию высоких темпов экономического роста — гордости советской экономики на протяжении полувека. Задолго до времени застоя советской экономики он обосновал его неизбежность и бегло обрисовал причины. Обслуживание "большой фиксированной внешней нагрузки", полагает он, не оставляет достаточно средств для адекватной оплаты ресурсов производства: на производство нужного количества потребительских товаров и услуг здравоохранения, образования и т.п.; на замену и ремонт оборудования, дорог, зданий; на возобновление лесов, истощающихся почв и поддержание добычи ископаемых. Если в таких условиях "нажимать" на высокие темпы роста, возникает и

растет разрыв между, если так можно выразиться, хиреющими ресурсами и быстрым ростом конечного продукта страны: “возникает целый ряд отрицательных последствий, в длительной перспективе ведущих к перенапряжению экономики страны, понижению коэффициента использования ресурсов, постепенному замедлению роста производства и меньшей управляемости народным хозяйством” (с.153).

Как же быть? Б.Михалевский предлагает идти по линии наименьшего зла: целью плана надо поставить сведение к минимуму разрыва между темпом роста продукции, с одной стороны, и темпом роста жизненного уровня, с другой, и лишь при этих условиях и в этих пределах ставить цель наискорейшего роста.

Может быть, можно вместо наискорейшего роста поставить целью плана максимизацию благосостояния народа, как это и заявляла официально партия? Б.Михалевский считает эту цель нереальной: “Максимизация потребления и общественных прав населения становится практически возможной лишь при очень высоком уровне развития производительных сил и, соответственно, децентрализации управления”(с.153). Интересно, что здесь максимизация потребления и демократизация общества рассматриваются как неразрывное целое.

Исходя из этих новых теоретических принципов, Б.Михалевский и разработал свою систему моделей среднесрочного планирования (5-6 лет). Такая модель, вдобавок оправдавшая себя в расчетах, казалось бы, могла стать кладом для Госплана СССР. Но ее внедрение в практику потребовало бы многообразной и сложной информации и высококвалифицированных специалистов, т.е. условий невыполнимых. Как пошутил в то время один экономист, работники Госплана доверяют только сложению и вычитанию; уже деление и умножение вызывают подозрения в ненужной сложности.

В итоге сложилась драматическая тупиковая ситуация: сложный стиль отгораживал Б.Михалевского от его читателей-коллег, а отрыв его работ от уровня возможностей советского планирования лишал его работы практического применения. “Михалевский — это гигантский дредноут. Теперь он закончен и начнет ржаветь”, — сказал кто-то на защите его докторской диссертации (он не спешил с защитой и ждал выхода в свет книги “Система...”, подводившей итог его десятилетнего труда).

Ржаветь человеку с таким запасом творческой энергии оказалось очень трудно, и он загорелся идеей эмиграции в Израиль, которая как раз начиналась в это время. В конце 60-х гг. он заинтересовался сионизмом и проникся убеждением, что как бы евреи ни старались, они в конечном счете никому не нужны в странах своего рассеяния и должны ехать в Израиль. Б.М. завел себе исключительно мрачное хобби — занялся расчетом демографического баланса еврейского населения на территории СССР в годы войны, в разбивке по республикам. Разыскивая нужные цифры, он перерыл, с присущей ему основательностью, огромное количество советских и иностранных источников, чтобы сложить из этих кусочков статистическую картину гибели советского еврейства.

В 1972 г. он взялся за серьезные приготовления к отъезду: собрал все секретные материалы, имевшиеся в его лаборатории, и, составив официальный акт, сжег их. Это отнюдь не обрадовало начальство, прекрасно понявшее его намерения. Ему давали знать, что его не выпустят.

Он жаловался, что самые разные люди обращаются к нему с одной и той же фразой: "Что тебе делать в Израиле? Кончишь тем, что будешь апельсины сортировать". Потом его осенило: видимо, был где-то инструктаж, как с ним обращаться, и фраза эта была там произнесена. После этого, видимо, начался срыв.

Тем не менее, он продолжал работать — кончал книгу, посвященную эмпирической верификации его системы моделей, вернулся к занятиям экономикой Германии по своим старым материалам, но уже с использованием эконометрических подходов. Описать успел только фрагмент о мобилизационном напряжении Германии и СССР, которое он измерил.

В смятении ожидалось рождение первого, к 43 годам, ребенка: он говорил, что не может отвечать перед ребенком за этот мир, но не может отрицать право своей жены на материнство.

В этом состоянии раздражения, смятения и общей запутанности дел Б.М. и уехал в майский байдарочный поход, из которого не вернулся. Спутников своих он знал мало, а мы и вовсе не знали. Б.М. понравилось, что они избавили его от всех подготовительных хлопот — ленив был заниматься житейскими делами. Когда лодка перевернулась за час до окончания похода, они не пытались ему помочь и поплыли в противоположную сторону. Не найдя его тела, они немедленно уехали, подарив его байдарку

местным жителям в благодарность за помощь. Не зашли даже к матери, объяснили только вдове, что сами еле спаслись.

В институте были люди, говорившие, что Б.М. был убит, и мать, опытный криминалист, придерживалась того же мнения.

Последняя книга Б. Михалевского — эмпирическая верификация его системы моделей — так и не была опубликована. Оказывается, она непонятна. Как будто его предыдущие работы были общедоступны! Коллеги жаловались, что их попытки переиздать что-либо из его прежних работ или написать о нем самом наталкивались на глухой запрет, исходящий неизвестно откуда. Было по меньшей мере, два запроса на перевод его неизданной книги — из Румынии и США. На запросы оба раза отвечали, что книга будет издана “в этом году”. Этот год тянется и поныне.

В 1980 г., уже за границей, я получила обзор работ Б. Михалевского, написанный его советскими коллегами. Отчасти он включен в эти воспоминания. Нобелевский лауреат по экономике, американский экономист Василий Леонтьев, прочтя обзор, с добавлением моих воспоминаний, написал мне: “... Он действительно был замечательный человек, очевидно, выдающийся ученый. Вам удалось дать очень живую картину его трагически короткой жизни и его важного вклада в науку...”

Разрешите мне воспользоваться случаем, чтобы рассказать об инциденте, о котором я хотел, но не имел случая сообщить Борису Натановичу. Мы коротко поговорили с ним после моей первой (послевоенной) лекции в Москве. Мы договорились встретиться в сквере у Большого театра на следующий день. Придя туда на несколько минут раньше назначенного времени, я заметил, надо сказать, — без удивления, какого-то явно “праздного” типа, наблюдающего за мной с другой стороны улицы. Ни в малейшей степени не опасаясь за себя, но зная, что для Б.М. такой самовольный контакт с иностранцем может обернуться серьезным делом, я тотчас же ушел... считая, что уж лучше ему разочароваться во мне, чем подвергаться явной опасности”¹.

¹ Редакция благодарит сотрудника ЦЭМИ Г.А. Волчека за помощь, оказанную при подготовке материалов о Б.Н. Михалевском.

А.А.Фридман
О БОРИСЕ И ЕГО СУДЬБЕ

Я знал Бориса с 1949 г., так как он часто бывал в нашей семье в студенческие годы, учась вместе с моим братом в МГУ, а с 1964 г. мы работали с Борисом в одном институте — в знаменитом ЦЭМИ, куда он посоветовал мне перейти из Главного Вычислительного Центра Госплана СССР, о чем я никогда не жалел.

После окончания МГУ мой брат Леонид был отправлен на работу в Рязань (в краеведческий музей), а Борис — в сельскую школу под Рязанью. Мой отец — математик, работая проректором пединститута в Рязани (РПИ), договорился о сдаче ими там кандидатского минимума. И вот однажды в ноябрьские праздники стук в дверь, ее открывают и видят замерзшего Бориса, который добираясь из деревни на экзамены и боясь опоздать, вынужден был перейти речку вброд (попутного транспорта не было) и весь обледенел... Его отпаивали и отогревали, а наутро они с братом блестяще сдали экзамен, поразив всех своими знаниями. Такова была жажда знаний, стремление получить официальный пропуск для систематического занятия наукой, так как другого пути в нее тогда не было...

Борис Натанович был всецело поглощен наукой и служил ей искренне, самозабвенно, находя в том наслаждение и истинный смысл жизни. Его рабочий стол был всегда завален разноязычной литературой по экономике, истории и математике (в основном по статистике), а также исписанными цифрами листами. Большую часть жизни он провел за письменным столом, читая, печатая на пишущей машинке, считая на арифмометре (логарифмической линейке) или готовя рукопись к печати (свою или чужую).

Он обладал уникальным свойством находить взаимосвязи между различными числовыми параметрами экономики, ее отраслей и “рожать числа” буквально из ничего. В основе этого феномена лежали с одной стороны талант исследователя, а с другой — непрерывная работа по сопоставлению, анализу, расчету, перепроверке статистических данных, показателей из публикаций,

Фридман Александр Абрамович — кандидат физико-математических наук, доктор экономических наук, зав. лабораторией ЦЭМИ РАН.

вплоть до хождения по рынкам, магазинам, беседам со специалистами, потребителями. И не было для него большей радости, чем установить и обосновать связь между разнообразными данными путем прямых и косвенных расчетов, обнаруживая подчас погрешности и искажения в официальной статистической информации, или подтверждение для исчисленных им ранее параметров, особенно не публикуемых в печати. Фактически он создал свой, как принято сейчас говорить, банк данных. Эта страсть к анализу и сопоставлениям привела его к формированию оригинального концептуального взгляда на развитие ряда ключевых отраслей советской экономики и всей экономики в целом. Недаром академики А.И.Анчишкин и С.С.Шаталин считали его основателем целого научного направления — среднесрочного прогнозирования. Многие из того, что делал Борис, можно считать экономическими экспериментами, а сам он был естествоиспытателем в экономике.

Жизнь Бориса в ЦЭМИ, его подчас резкие высказывания, особенно о халтурных и пустых работах и публикациях, а нередко и ненормативная лексика были своеобразной ширмой, за которой скрывалась легко ранимая и уже израненная душа. Вместе с тем трудно вспомнить, чтобы он причинил кому-нибудь зло. Скорее наоборот, было немало случаев, когда узнав о нелегкой судьбе коллеги, он готов был помочь, что и нередко делал. Особенно нежные чувства он испытывал к родным — вернувшейся из лагеря матери, сестре Аде и двоюродному брату Павлу Бунину — нашему выдающемуся графику. Он всегда казался (а может это было сознательное поведение) не по возрасту взрослым, да и жизнь не баловала его, лишив прочного родительского тыла, заставив слишком рано надеяться только на себя.

В ЦЭМИ он в основном общался по научным вопросам. Однако дома, в узком кругу друзей, родственников, особенно с моим братом Леонидом и со своим — Павлом, у нас в семье он находил отдушину, страстно предаваясь политическим дискуссиям, подчас очень острым...

Он никогда ни с кем не боролся, но не упускал случая связать по поводу содержания тех или иных работ, особенно "маститых ученых" и даже своих коллег. Живя в мире ученых-экономистов, жадно поглощая научную литературу (он поразительно много читал на нескольких языках). Борис довольно часто высказывался о гипертрофированном увлечении математическими моделями,

особенно новым поколением ученых-экономистов, не имеющих часто соответствующих знаний по экономике страны и не придающих должного значения ее изучению.

Борис Натанович был в последние годы весьма одинок, хотя для многих это прозвучит несколько неожиданно и обидно. У него родилась дочь, которую он даже не увидел... Ведь и в поход он пошел отчасти потому, что понимал — далее все большее время придется отдавать семье и будет не до походов. Он много размышлял о будущем — своей семьи, своей дочери, своей сестры и матери и конечно о будущем страны, так как не размышляя об этом, он жить не мог...

Сейчас, спустя 25 лет после его трагической смерти, пережив все, что было с нами и всей страной, становится ясно, что еще в конце 60-х — начале 70-х годов Борис знал о нашей экономике и перспективах ее развития гораздо больше, чем другие, и знал гораздо глубже, предвидя кризис системы и государства...

Ю.П.Соловьев МОЙ УЧИТЕЛЬ

Б.Н. всегда был белой вороной среди экономистов-ученых СССР. Он хотел принимать решения и делать собственные выводы на основе надежной, лишенной методологических “шалостей” информации. В то время как основная часть ученых работала со статистической информацией по принципу “колбасы”, т.е. носили и пережевывали ту информацию, которую в них забили, так сказать, в первоначальном виде. Хотя при этом некоторые из них не особенно ей доверяли, но охотно использовали. Особенно, когда она укладывалась в рамки идеологических построений. Б.Н. продолжил почти безнадежное дело очистки информации от идеологических оптимистических наслоений. Что это ему удалось сделать, можно судить по результатам. Сейчас это уже история, и история несправедливо забытая, но Б.Н. единственный ученый, который уже в конце 60-х годов провидчески предсказал в своих трудах снижение темпов роста экономики в 70-80-х годах до почти нулевого уровня,

Соловьев Юрий Павлович — доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Института проблем инвестирования банка МЕНАТЕП.

что и произошло на самом деле. Он первый показал и доказал, что при социализме имеет место инфляция, хотя и скрытая, подавленная.

Б.Н. слушал методологические положения специалистов Госкомстата об исчислении тех или иных сводных показателей как любимую музыку. И не боялся признать свои ошибки, поменять свои выводы и переделать сделанное им ранее, если убеждался, что информация, с которой он работал ранее, была «второй свежести».

Несомненно, если бы он обслуживал официальный заказ, то стал бы хорошим «официантом» от науки и достиг бы высокого материального положения. Но так как его научно-экспериментальные положения и выводы (особенно о росте инфляции, падении темпов и др.) не могли прийти ко двору, он оказался не востребованным в свое время. Он был не нужен власти имущим.

Как о человеке, о нем никто лучше не сказал, чем его мать. На похоронах, слушая в коридоре разные разговоры про сына, она сказала: «Кто из вас может сказать о себе, что он ни одному человеку не делал плохого, а многим — хорошее, а мой сын был именно таким человеком».

Л.А. Фридман
КАКИМ Я ПОМНЮ Б.Н. МИХАЛЕВСКОГО

Мы были близкими друзьями, когда учились в МГУ и в первые годы после его окончания. В то время он был просто Борисом и о нем тогдашним я вспоминаю с чувством горечи и ностальгии. На нашем курсе было немало способных и даже талантливых людей, но и среди них Борис выделялся необычайной любовью к науке, поразительным трудолюбием, неуклонным стремлением к постижению истины и ... некоторыми странностями в поведении. Он мог быть грубоват, пользовался иной раз ненормативной лексикой, но за всеми этими внешними чертами скрывалась тонкая и легко ранимая натура. И даже те, кому не нравились его своеобразные манеры, понимали или ощущали неординарность его личности, твердость моральных принципов, отвращение к полуправде и лжи. Он готовился стать историком, но постоянно стремился проверять справедливость тех

Фридман Леонид Абрамович — доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ.

или иных положений не их соответствием "общепризнанным" догмам, а реалиями общественной жизни. Отсюда его удивительная приверженность к цифрам, к массовым статистическим материалам, необходимым для того, чтобы "поверить алгеброй" гармонию или диссонанс исторических процессов.

Я вспоминаю, как в 1953-1954 гг., когда не публиковали никакие статистические ежегодники, мы, и прежде всего, конечно, Борис, рассчитывали некоторые, как сейчас говорят, макроэкономические показатели по СССР, в том числе динамику заработной платы, доходов крестьян и многое другое. В сущности, речь шла о потребительской корзине, только мы не знали тогда этого понятия. Никогда не забуду, как после смерти его деда, известного экономиста, оставившего удивительную библиотеку, Борис запоем читал экономические журналы 20-30-х годов и заново открывал для себя подлинную историю народного хозяйства нашей страны. Уже тогда его интересовала реальная норма накопления и капиталовложений, проблема эффективности их использования. Он впервые знакомился с совершенно неизвестными до тех пор направлениями западной экономической мысли. Для этого нужно было знать математику, и он самостоятельно ее изучал, так же, впрочем, как и несколько иностранных языков.

Немало людей сейчас склонны винить в тех или иных бедах нашей страны ученых-экономистов. Если бы в тот период проявились минимальные возможности для реализации рыночных реформ в русле "рыночного социализма", такие люди как Борис Михалевский уже в 50-60-х годах смогли бы создать теоретическую базу для необходимых преобразований. И, кто знает, быть может в таком случае в тот период оказалось бы возможным осуществить в хозяйственной сфере то, что теперь называют опытом китайских реформ 70-90-х годов. Ибо, насколько я помню, тогда мы надеялись увидеть "социализм с человеческим лицом". Но жизнь повернулась иначе, и взгляды Бориса тоже эволюционировали: сама наша действительность заставляла его обращать свой взор в сторону иных перспектив.

Жизнь Б.Н. Михалевского оборвала трагическая случайность, но трагическими были и последние годы его жизни. Он тяжело переживал разлад между своим пониманием ошибочности пути, по которому шла страна, и невозможностью что-либо изменить в ближайшем будущем: ведь до начала перестройки оставалось еще 12 лет.

Судьба каждого, а тем более талантливого человека уникальна, но вместе с тем в жизни Бориса Михалевского как бы сфокусировались многие кричащие противоречия прошедшей эпохи.

А.А.Сванидзе
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В студенческие годы он жил в полуразвалившемся доме неподалеку от Савеловского вокзала на втором этаже, в комнате с выбитыми еще во время войны стеклами, кое-как прикрытыми фанерой и подушками. Стены были в щелях, через которые можно было просунуть руку наружу (чем мы, молодые, и развлекались). Конечно, в комнате стоял мороз. Не зажигая огня (платить за электричество было нечем), Борис проходил вечером от двери к кровати и ложился под одеяло, не раздеваясь; вся процедура, включая открывание двери, производилась им на счет "7". Однажды он отморозил во сне ухо, оно было красно-синее, огромное. Борис смеялся, как делал всегда, когда ему было плохо. Помогла однокурсница Мила Иванова. Она взяла Борьку к себе жить. За полгода он подкормился, отмылся, ему подарили заячью ушанку — по тем времена роскошь. Шапка была ему мала, сползала на ухо, он возвращал ее на место, дергая головой. Эта привычка осталась у него навсегда.

* * *

Он жил на стипендию, что давало ему возможность один раз в день съесть так называемый "комплексный обед", грошовый, но пустой, в университетской столовке. Мы вместе готовились к экзаменам в библиотеке здания № 9, на галерее второго этажа, или в аудитории №47. С одной стороны от меня сидел мой будущий муж Каря Сванидзе, с другой — Боря. Он мгновенно прочитывал страницу, что-то быстро подчеркивая, быстро перелистывая ее. Читал, не отрываясь, жадно. Тяготы юности — недоедание, постоянная простуда, нервные стрессы — не прошли для Бориса

Сванидзе Аделанда Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром западноевропейского средневековья Института всеобщей истории РАН.

бесследно. У него нарушился обмен веществ, начались спазмы сосудов мозга, а из-за них — неожиданные обмороки. На курсе их было трое таких парней: он, Коля Покровский, Леша Жданко. Их называли “кашалотами” за жадность к знаниям. Коля, единственный сегодня живой из этой троицы, пройдя через лагерный срок как диссидент (во времена, уже хрущевские), сегодня — академик в Новосибирске.

* *

*

Свой диплом Борис посвятил проблеме экономической политики и “базе” германского фашизма. Он разработал совершенно оригинальную методику, позволившую ему на основе опубликованных материалов бюджета рейха вычленить и рассчитать военные расходы. Оказалось, что они съедали подавляющую часть национального дохода. Впоследствии Борис применил эту методику к советскому бюджету и обнаружил аналогичную картину. В 1957 г. группа молодых выпускников истфака (в том числе наших однокурсников — Коли Обушенкова, Покровского и их “вожака” Краснопецева) была арестована и осуждена по политическим статьям. Собственно, ребята хотели “социализма с человеческим лицом”, под которым они понимали “ленинские нормы”, “извращенные Сталиным”. Так вот, за связи с ними Бориса привлекли в качестве свидетеля, но хотели привлечь в качестве соучастника, приписав ему, в частности, “разглашение государственной тайны”: в органах не могли взять в толк, как он мог рассчитать военные расходы СССР, не “вынеся” секретные бумаги. Борис запросил некоторые книги и другие опубликованные материалы и там же, в КГБ, за трое суток рассчитал все заново, чем и “очистился”.

* *

*

После окончания университета мы с ним профессионально не сталкивались, но было известно, что он приобретал все больший вес в среде экономистов. На горестных поминках по Борису выступал будущий академик А.И. Анчишкин (увы, также рано ушедший из жизни) и говорил, что считает Бориса своим учителем, в частности, в области применения современных методов при экономических построениях и анализе, в том числе при разработке планов и бюджетов. Шура Анчишкин (кузен моего мужа) не раз говорил это и в частных беседах, восхищаясь Борисом.

БИБЛИОГРАФИЯ

МОСКВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

(Материалы к библиографии литературы конца XIX-XX вв.)

1. Из истории москвоведения

1. Академик Г.Ф.Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подгот. текста, Илизарова С.С.; Коммент. Грининой И.И.; Илизарова С.С.; Отв. ред. Зубарев В.В. — М., 1996. — 255 с., ил. — (Б-ка "История Москвы с древнейших времен до наших дней").

2. Арсеньев Ю.В. Описание Москвы и Московского государства. По неизд. списку Космографии конца XVII века. — М., 1911. — 17 с.

3. Бахрушин С.В. Основные проблемы истории Москвы до конца XVIII в. // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. — М., 1987. — С.158-177.

4. Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве XVII века / Сост. Дубинская Л.Г.: Под ред. Левшина Б.В. — М., 1980. — 271 с.

5. Дружинин Н.М. История Москвы // Дружинин Н.М. Избранные труды: Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. — М., 1988. — С.111-221.

6. Забелин И.Е. История города Москвы / Коммент. и послесл. Рабиновича М.Г. — М., 1995. — XXVI, 685 с. Репринт. воспроизведение изд.: М.: Кушнерев, 1905.

7. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: В 3-х кн. / Сост., вступит. ст. и примеч. Сахарова А.Н. — М., 1990.

Кн.1. Государев двор или дворец. — 313 с.